

В. Свенцицкий

Письма ко всем

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
В11

В11 **В. Свенцицкий**
Письма ко всем / В. Свенцицкий – М.: Книга по Требованию, 2024. – 88 с.

ISBN 978-5-458-56593-6

ISBN 978-5-458-56593-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

ПИСЬМО I.

КЪ САМОМУ СЕБѢ.

ПИСЬМО I.

Къ самому себѣ,

Я долго колебался, прежде чѣмъ рѣшился сать самому себѣ.

Не въ томъ дѣло, что это немного смѣши по меньшей мѣрѣ странно—я нисколько не бо быть смѣшнымъ, и еще того меньше быть стнмымъ.

Меня смущало другое.

Во-первыхъ я никакъ не могъ съ точнос опредѣлить: *кто*, собственно, является автор письма, и *кому* оно пишется. Во-вторыхъ, обы моя боязнь «литературной лжи». Какъ хотите, есть уже что-то лживое, неискреннее въ томъ, человекъ о чувствахъ своихъ рассказываетъ на магѣ, мокаетъ въ чернильницу, водить перомъ; томъ отсылаетъ все это въ типографію и полу етъ корректуру, «исправляетъ», наводитъ «лоск потомъ сдаетъ эти напечатанныя чувства на ком сію въ магазинъ и они раскупаются.

Противно, унизительно, фальшиво.

Я долго колебался, но теперъ рѣшилъ оконча- тельно: могу и долженъ писать самому себѣ. Пусть будетъ нѣкоторая условность, ложь, если хотите, но онѣ есть и въ каждомъ нашемъ шагѣ. Даже

въ молчаніи нашемъ, когда кричать хочется, есть ложь.

Но главное: теперь я твердо и окончательно знаю, *кто* во мнѣ пишетъ и *кому* пишетъ!

.

Я знаю, ты будешь читать мое письмо въ полномъ одиночествѣ, тебѣ некуда будетъ укрыться, не за кого спрятаться. Тебѣ будетъ совѣстно смотреть мнѣ прямо въ глаза, въ суровые и острые, которыхъ ты такъ боишься.

И не думай просить о снисхожденіи, лепетать что-нибудь о томъ, что всѣ грѣшны, о томъ, что ты еще молодъ и когда-то тамъ въ будущемъ достигнешь чего-то прекраснаго. Уйди прочь отъ меня съ своимъ дряблымъ, трусливымъ, лживымъ, фарисейскимъ лепетомъ.

Я знаю тебя, ты прекрасно умѣешь говорить, интонація твоя такъ искренняя, такъ подкупаетъ. Но я то, о, я слишкомъ хорошо знаю тебя и я призванъ безжалостно вонзить ножъ въ твою страшными язвами покрытую душу, душу жалкаго раба, прикрытую золотою парчею, потихоньку украденною у Господина.

Я знаю все напередъ, что ты скажешь мнѣ въ свое оправданіе. Молчи лучше, не открывай своихъ лживыхъ губъ, я все скажу за тебя. Подкарауливая меня ночью, когда, ты знаешь, я становлюсь добрѣй, сколько разъ уже испуганно заглядывая въ мои

глаза, ты говорилъ мнѣ, какъ трудно жить, какъ ты одинокъ, какъ тебя «не понимаютъ», а потому и грѣхъ твой ужъ не такъ непростителенъ, ужъ не такъ безпросвѣтенъ.

Унижаясь, подлизываясь, какъ щенокъ, ты хотѣлъ вымолить у меня подачки своей безумной, похотливой, развращенной, самодовольной душѣ.

Ну, что же еще хочешь ты прибавить къ этому?

Воспитаніе! Изнѣженность, барство, развратъ старшихъ, которые ты видѣлъ, какъ только помнишь себя, впечатлительность натуры, яркость воображенія?

Довольно. Слушай и знай: нѣтъ тебѣ спасенья въ жалкихъ бутафорскихъ укрѣпленіяхъ, куда ты хочешь забиться отъ гнѣва Господня. Ты долженъ со смиреніемъ принять то, что я буду говорить тебѣ; покаяться искренно, не на одинъ часъ и начать новую жизнь.

Ты думаешь, можно проплакать ночь у подножья креста Господня, а потомъ залѣзть по горло въ грязь и воображать, что ты двигаешься къ какому-то совершенству!

Такъ слушай-же.

Ты говоришь и пишешь о реформѣ Церкви; въ тебѣ вызываетъ пламенный гнѣвъ то, во что превращена христіанская жизнь. Ты правъ, никто не въ силахъ здѣсь спорить съ тобою: не оставлено камня на камнѣ отъ древнихъ катакомбъ, отъ древнихъ братскихъ молитвъ, отъ древней любви, отъ

древней, святой, радостной, блаженной жизни христіанскихъ общинъ.

Но постой, а ты? Что сдѣлалъ ты, чтобы вернуть эту любовь, эту радость? Какъ смѣешь ты произносить имя Христово?

Я знаю, ты будешь говорить, что никогда не произносишь имени Его безъ благоговѣнія, что въ минуты упадка никогда не осмѣливаешься говорить о Немъ. Минуты упадка! Часы, мѣсяцы, годы, а не минуты. Да знаешь ли ты, что слово твое безсильно даже тогда, когда ты весь горишь любовью ко Христу, безсильно твоимъ прошлымъ и позорнымъ будущимъ, которое ты прекрасно знаешь, что будетъ позорнымъ. Вѣдь никогда, даже въ минуты наивысшаго подъема своего ты не вѣришь, что не упадешь снова въ грязь.

Ты загипнотизировалъ себя и близкихъ тебѣ крайностями своей натуры. Словно такъ и быть должно, что ты или горишь огнемъ Божиимъ или распался огнемъ сатаны. Ты приучилъ себя къ мысли, что иначе не можетъ быть, и безъ ужаса думаешь о томъ, что и въ будущемъ ждетъ тебя такая же жизнь безумныхъ колебаній.

О, да и какъ не привыкнуть! У тебя такая роскошная память. Ты помнишь, какъ, будучи ребенкомъ семи-восьми лѣтъ, ты потихоньку отъ всѣхъ мучилъ животныхъ, упивался преступнымъ чувствомъ власти надъ беззащитнымъ безсловеснымъ созданиемъ, и мечталъ тогда, что все лежитъ у твоихъ ногъ,

весь міръ пропадалъ изъ глазъ твоихъ, одно лишь несчастное животное было передъ твоимъ жаднымъ взоромъ, и кощунствуя, съ дикимъ хохотомъ ты, маленькое чудовище, какъ взрослый Антихристъ, говорилъ, обращаясь къ Богу: я выше Тебя, выше! хочу,—все растопчу!

А потомъ, такъ же потихоньку отъ всѣхъ, съ жгучимъ чувствомъ стыда и страха бѣжалъ въ темную, холодную церковь и тамъ рыдалъ до потери сознанія.

И такъ всегда, и такъ во всемъ.

Скажи по совѣсти, какъ передъ Богомъ, есть ли на свѣтѣ человѣкъ развратнѣе тебя, кто бы такъ упоительно, такъ неистово, предавался своей похоти?

Нѣтъ, постой, я долженъ тебѣ сказать все это. Это мое право, моя обязанность. Чтобы ты не смѣлъ съ какою-то гнусною гордостью говорить, что ты прошелъ путь «отъ публичнаго дома до Голгоѣы». Ты долженъ перестать наслаждаться своею сложностью, воображать, что твоя гнусность даетъ дипломъ на званіе великаго человѣка, и вмѣсто искренняго, глубокаго и окончательнаго покаянія, чтобы ты не купался въ своемъ собственномъ самолюбіи.

Да, это правда, ты превзошелъ многихъ въ своемъ грѣхѣ, ибо оргіи твои всегда были съ участіемъ демоновъ. Ты шелъ на развратъ, какъ на бой съ

Господомъ своимъ, и ярость и бѣшенство твое не знало предѣловъ.

Я знаю, что ты потомъ, какъ потерянный, бралъ посохъ и, не находя себѣ мѣста, начиналъ ходить по монастырямъ, ты до крови простаивалъ свои колѣни, ты морилъ себя голодомъ, ты билъ и терзалъ плоть свою, мстя ей за поруганіе святыни. Но пора наконецъ понять тебѣ, что не оправданіе можешь найти ты въ этихъ изломахъ, а лишь высшее осужденіе.

Только тогда прошлое не будетъ накладывать на жизнь твою своей мертвой руки, когда ты сможешь, прямо смотря въ глаза Христа, сказать, что этому прошлому не повториться никогда.

Но вѣдь бывали же такія пламенные, такія восторженныя вспышки религіознаго чувства, скажешь ты: я такъ близко ощущалъ Христа моего, онъ такъ звалъ меня, я такъ любилъ Его.

Скажу: тѣмъ хуже, тѣмъ ужаснѣе, тѣмъ позорнѣе грѣхъ твой. Многіе безконечно достойнѣйшіе тебя уже давно стали бы святыми, если бы они хоть разъ такъ близко были къ Нему; а ты искушаешь долготерпѣніе Господа, ты не идешь, когда зовутъ, ты падаешь, когда тебя держать.

Слушай, ты долженъ немедленно, теперь же, начать новую жизнь, гибель ожидаетъ тебя, бичъ Господень уже занесенъ надъ тобою и только по безконечному милосердію своему Господь еще не призываетъ тебя къ окончательному суду. Начни

новую жизнь, святую радостную жизнь во Христѣ, въ ней и только въ ней одной великій, непреходящій смыслъ.

Помни: дьяволъ отецъ лжи. Ложь это мнимая сила въ тебѣ, это стальная воля, обманъ наслажденія плоти, обманъ вся сладость грѣха. Мишура, фальшивый блескъ, вся эта гордость людская, вся трескотня міра. Шумиха, пыль, прахъ! Нѣтъ большаго геройства, какъ смиреніе, большей силы воли, какъ отреченіе отъ воли своей, большей властности, какъ отказъ отъ всякой властности, нѣтъ большаго счастья, большей побѣды, большаго величія, какъ всего себя отдать высшей Волѣ. Пусть враги Его, жалкіе, ничтожные рабы смерти, въ безуміи своемъ провозгласившіе себя героями, принимаютъ игрушечное величіе за подлинное геройство. Ты долженъ знать ему цѣну. Сердце ихъ ударить въ послѣдній разъ и герой превратится въ трупъ, царь въ кусокъ земли, жалкій рабъ въ жалкое ничтожество. Не можетъ клѣточка отрываться отъ организма—разложеніе и смерть поразятъ ее.

Какъ малъ, какъ смѣшонъ этотъ крикливый герой, принимающій безуміе свое за силу, по сравненію съ великими подвижниками, которые, какъ уходящіе вдаль великаны, безмолвно и торжественно стоятъ на всемъ пути міровой исторіи.

Нѣтъ, не издерганный, въ шутовской нарядъ героя одѣвшійся безумецъ долженъ стоять передъ твоимъ умственнымъ взоромъ! Дьяволъ отецъ лжи:

онъ подводитъ къ пропасти, разстиляетъ миражи и толкаетъ впередъ! Остановись, шагъ твой—погибель твоя, обманъ, безжизненный обманъ разстиляется передъ тобою.

Посмотри въ глубь вѣковъ, какимъ ореоломъ красоты, силы, величія блистаютъ вѣнцы мучениковъ, смиренныхъ, все прощавшихъ старцевъ, героевъ юношей и дѣвушекъ, безтрепетно шедшихъ на костры, молившихся за своихъ истязателей. Проклятье—поддѣлка подъ силу, ибо смерть не побѣждается проклятиемъ; сильнѣе смерти—только любовь.

Тихій голосъ великихъ печальниковъ гремѣлъ на весь мѣръ; благодатная радость осушала моря человѣческихъ слезъ; и до сихъ поръ мы, слабые и больные духомъ, живемъ ихъ крѣпостью, согрѣваемся ихъ свѣтомъ. О, они не кричали о себѣ на всѣхъ перекресткахъ: мы все можемъ! Самого Господа вызываемъ на бой! Но подлинно все могли; и если вызывали на бой Господа, то боролись съ Нимъ въ глубокомъ безмолвномъ уединеніи. Это бывала святая борьба, Господь приходилъ и святою десницею своею участвовалъ въ ней.

А къ этимъ шутамъ Господь не удостоиваетъ притти, одни демоны окружаютъ ихъ и создаютъ обманъ, мнимую борьбу съ Господомъ, мнимую побѣду мнимой силы.

Разорви же вокругъ себя желѣзный кругъ обольщеній и прорвись туда, въ ту святую, таинственную, исполненную силою духа, жизнь.